

DOI: 10.25799/NI.2026.39.62.014

EDN: JFXEWN

УДК 347.9:004

Проблемы оценки электронных доказательств в гражданском процессе

Ю.А. Свирин,

доктор юридических наук, профессор,
профессор Российского нового университета,
академик РАН, председатель Комиссии по анализу,
развитию и совершенствованию процессуальных и внепроцессуальных
форм разрешения споров Ассоциации юристов России,
консультант МГКА Бюро адвокатов «Де юре».
<https://orcid.org/0000-0001-7616-2637>
Россия, Москва
usvirin@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблем оценки достоверности электронных доказательств. Автор указывает, что в последние 10 лет искусственный интеллект все шире охватывает все сферы нашей жизни. С помощью нейросетей в настоящее время любой человек может изготовить генеративный контент, сходный до уровня смешения с подлинным. Кроме того, с помощью ИИ можно изготовить фальшивый документ, используемый в дальнейшем в качестве доказательства по делу в суде. Однако простому юристу, в том числе и судье практически невозможно определить подлинность сгенерированного контента. Назначение экспертизы по таким делам в настоящее время также является малоэффективным, так как пока не разработаны научно-методические рекомендации проведения подобных экспертиз. В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости скорейшего закрепления в процессуальном законе определения электронного доказательства и порядка его исследования в судопроизводстве.

Ключевые слова: электронные доказательства, дипфейк, генеративные технологии, экспертиза.

Институт доказывания имеет ключевое значение в механизме восстановления нарушенного права или законного интереса в судебном процессе. Именно поэтому многие ученые-процессуалисты так или иначе затрагивали в своих исследованиях проблемы доказывания в судопроизводстве.

Е.В. Васильковский еще в 1914 году указывал на то, что суд не вправе верить сторонам на слово и не может удовлетворить исковое требование на том только основании, что считает истца честным человеком, неспособным предъявить неправомерное требование, или отказать в иске, руководствуясь тем, что возражения ответчика заслуживают ввиду его нравственных качеств полного доверия. Автором справедливо сделан вывод о том, что суд принимает заявления и утверждения сторон лишь в той мере, в какой установлена их истинность, поэтому тяжущиеся должны убедить суд в истинности их утверждений и заявлений, т. е. представить доказательства [1, с. 321].

Однако одного лишь действия по представлению доказательств недостаточно, чтобы разрешить дело по существу и вынести законное и обоснованное решение.

По мнению М.А. Фокиной, доказывание представляет собой опосредованную форму судебного познания. Как и иная организованная человеческая деятельность, доказывание предполагает определенную структуру и устойчивую имманентную взаимосвязь элементов.

Каждое действие характеризуется очередностью и образует системность, по причине чего целостность доказывания нужно рассматривать через составляющие элементы, которые имеют соотносительный смысл [4, с. 656]. Как видим, одним из элементов судебного доказывания является судебное познание, в результате которого суд должен сделать вывод о ценности того или иного средства доказывания, с помощью которого устанавливается или опровергается спорный юридический факт.

В статье 55 Гражданского процессуального кодекса РФ содержится официальное определение доказательства. В законе указано, что доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Такие сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудиовидеозаписей, заключений экспертов. Следует сказать, что данный перечень является закрытым, что дает ученым повод перейти к критике точки зрения законодателя. «К сожалению, действующий процессуальный кодекс не предусматривает такого вида доказательства, как электронное доказательство» [7, с. 347].

Развитие цифровой экономики, увеличение объема цифровых данных и компонентов информационной инфраструктуры в частном и государственном секторе послужили предпосылкой для повсеместного внедрения цифровых документов в хозяйственный оборот. Поэтому при возникновении споров у сторон появляется необходимость представления в качестве доказательств документов, имеющих цифровую форму (договоры, справки, выписки и т. д.), а также иного цифрового контента. Однако действующее процессуальное законодательство не рассматривает сведения в цифровой форме как самостоятельный вид доказательств, требующий отдельной правовой регламентации. Процессуальный закон (ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ) содержит закрытый перечень доказательств и не упоминает электронные доказательства в качестве средств доказывания.

В качестве электронных доказательств можно рассматривать цифровой документ, созданный в электронной форме без предварительного составления на бумажном носителе и подписанный электронной подписью; электронный образ документа, который представляет собой переведенную в электронную форму с помощью средств сканирования копию документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенную простой электронной подписью или усиленной квалифицированной электронной подписью, а также любой цифровой контент, например запись с дорожной камеры видеонаблюдения.

Таким образом, к электронным доказательствам следует отнести не только электронные документы, обмен которыми осуществляется между субъектами материальных правоотношений, в том числе посредством электронной почты, но и документы, созданные искусственным интеллектом. Таким образом, любая информация, хранящаяся, обрабатываемая или передаваемая в цифровом формате, является электронным доказательством. Как указывает Е.П. Русакова, ссылаясь на разъяснения Верховного Народного Суда Китая от 2015 года, электронным доказательством следует считать электронные данные, т. е. информацию, сформированную или сохраненную на определенных электронных носителях посредством электронной почты, электронного обмена данными, записи онлайн-разговоров, блога, микроблога, текстового сообщения по мобильному телефону, электронной подписи или доменного имени [6, с. 38].

Для обоснования необходимости появления специального порядка исследования электронных документов необходимо проанализировать их природу. Самый известный формат

электронных документов «.doc», «.docx» представляет собой совокупность файлов XML. XML — специальный язык программирования, называемый языком разметки, на основе которого функционируют текстовые редакторы. Формирование текста осуществляется через теги, отображающие специфику текста или его отдельного элемента на рабочей области. С позиции информатики теги выполняют функции фиксирования текста, а текстовые значения являются данными. Также в файле будут содержаться метаданные. Метаданные являются своеобразными «данными о данных», они отображают информацию о создаваемых данных: место, время, автора. Подобная разметка существует и в файлах типа «.xls», используемых для создания электронных таблиц.

А.Т. Боннер при определении места электронного документа в системе средств доказывания указывает на ошибочность его отождествления с традиционными документами. В обоснование своей точки зрения автор приводит следующий аргумент: возможность получения из электронного документа существенно большего количества информации, чем содержится в его отображении (в человекочитаемой форме). Наряду с письменным отображением электронный документ содержит информацию о свойствах создания, изменения, сохранения, а также может содержать все правки, внесенные в него с момента создания файла [3].

С.Ю. Чуча пишет: «Закрытый перечень видов доказательств в гражданском процессе вряд ли отвечает современным реалиям, особенно с развитием телекоммуникационных технологий и электронного документооборота» [9]. Поскольку законом закреплено понятие электронного документа, было бы целесообразным и в процессуальном законе закрепить понятие электронного доказательства. Например, в Германии с 2017 года закон разделяет письменный документ и электронный документ, придавая им при этом одинаковую юридическую силу [8, с. 56].

Помимо вопроса о необходимости закрепления электронных документов в качестве доказательств в доктрине также не решен вопрос признания созданных нейросетью цифровых контентов в качестве доказательств, в связи с чем существует реальная опасность использования дипфейков в качестве доказательств. Действующее законодательство не раскрывает понятия «дипфейк». Здесь также следует отметить, что информационные системы способны сами формировать данные путем автоматизированного манипулирования ими, например, формируя новые данные при помощи средств машинного обучения с использованием специ-

альной витрины данных. Например, ГИС «Электронный бюджет», используя различные информационные ресурсы, может отображать данные об объекте финансового контроля. Однако в случае ошибок алгоритма анализа данных система может выдавать иное значение, что может послужить основанием для оспаривания информации, содержащейся в ГИС. При этом, как правило, именно на основании данных из ГИС государственные органы контроля принимают решение о привлечении к ответственности должностных лиц объекта контроля. В этом случае при судебном разбирательстве государственные органы будут ссылаться на полученную из ГИС информацию, которую объект контроля не знал и не мог знать. В таком случае для всестороннего и полного исследования всех обстоятельств дела необходимо изучение алгоритмов анализа данных внутри ГИС и привлечение эксперта в сфере информационных технологий для исследования информационного потока формирования данных.

При росте использования информационных технологий в повседневной жизни и правильном рассмотрении дела судом закономерно возникает потребность в специальном регулировании доказательств, имеющих исключительно цифровую форму.

В науке не выработано единое понятие «электронное доказательство». Авторы употребляют такие термины, как цифровое доказательство, электронно-цифровое доказательство, электронный носитель информации. Следовательно, отнесение доказательства к электронному происходит по цифровой оболочке такого доказательства, в то время как сама информация может быть выполнена в виде цифровой, звуковой формы или видеозаписи.

Таким образом, есть объективная потребность в закреплении в процессуальных кодексах такого средства доказывания, как электронные доказательства.

Цифровые технологии глубоко вошли в нашу повседневную жизнь, в цифровом контенте фиксируется большой объем информации, который в последующем может быть использован в суде в качестве доказательства. Но почему же законодатель не спешит закрепить в качестве доказательств информацию, содержащуюся в цифровой форме?

Причин, видимо, здесь несколько.

В качестве одной из причин следует назвать то, что в судопроизводстве достоверность информации гарантируется установленным законом процессуальным порядком ее получения, закрепления, исследования и оценки в судебном заседании. Ранее мы уже отмечали, что «при соблюдении указанного процессуального

порядка информация объективируется в процессуальную форму, называемую средством доказывания. Если нарушена процессуальная форма, например, допроса свидетеля (он не был предупрежден об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний), то его показания не приобретают необходимой процессуальной формы, сведения не легитимируются и, соответственно, не становятся средством доказывания» [8, с. 348]. Следовательно, любое доказательство должно содержать достоверную информацию, которая, в свою очередь, должна быть проверена в суде.

Сейчас уже трудно представить наш быт без ИИ, который быстро вошел в нашу жизнь, помогая в решении подчас сложных задач и освобождая от рутинных процессов. С помощью нейросетей создается самый разнообразный контент. Голливудские блокбастеры порой снимаются в одной комнате, где ИИ рисует реалистичные картинки. В свою очередь генеративные технологии не только помогают нам, но могут и создать юридические проблемы, нарушая наше право или законный интерес.

Не секрет, что с помощью генеративных технологий можно генерировать не только тексты, но и изображения и аудиозаписи. В связи с этим Н.Ф. Бодров и А.К. Лебедева справедливо указывают на то, что появление генеративного контента, сходного с аутентичным до степени смешения, трансформирует представление о достоверности цифровых доказательств, ставит под сомнение традиционные критерии аутентичности видео-, аудиофонограмм, изображений, а также поднимает вопрос о способности правовой системы адекватно реагировать на современные технологичные вызовы [2, с. 7—8].

Примерно с 2017 года появилась возможность широкому кругу пользователей с помощью нейросетей создавать реалистичный контент, который даже специалисту трудно отличить от настоящего. Государство в настоящее время пока еще не регулирует использование генеративных технологий при создании различных контентов. В этой связи, конечно же, ни один судья не сможет определить подлинность аудио- и видеозаписи.

В научном сообществе также пока не выработаны подходы к использованию цифрового контента в качестве средства доказывания.

Просто запретить использование цифрового контента в доказательственной судебной деятельности нельзя, также как и нельзя остановить прогресс. Вместе с тем рассматривать данную проблему только в контексте права тоже невозможно. Указанная проблема должна решаться как на уровне права, так и на уровне

выработки технологических решений, которых пока еще нет.

Видимо, при исследовании в суде цифрового контента с целью выявления его генерации с помощью ИИ потребуется специальная экспертиза.

В последние 10 лет в научной среде появился интерес к изучению понятия и сущности дипфейков. Так, Е.Л. Лужинская и В.А. Чванкин указывают на то, что дипфейк есть лишь синтетически произведенный медиаконтент, в котором оригинальный человек (тот, кто изначально находился на изображении) замещается другим человеком [5, с. 117]. Однако вряд ли с таким определением дипфейка следует согласиться, поскольку при его изготовлении можно поменять не только самого человека, но и отдельно его мимику, жесты, обстановку, в которой происходит съемка.

В настоящее время даже обычный обыватель может с помощью современного телефона синтезировать голос или изображение с высокой реалистичностью, которую трудно будет распознать даже специалисту. С помощью нейросети, например, можно клонировать голос известного певца, что будет являться нарушением авторского права, однако доказать данный факт будет крайне сложно, а подчас и невозможно. В этой связи ряд авторов предлагает ограничить использование генеративного контента без определенных маркеров [2, с. 55]. Однако этот вопрос пока законодателем не решен, а в судебной практике все чаще приходится сталкиваться с нарушением права путем использования дипфейков.

Здесь важно отметить, что любое электронное доказательство имеет двойственную природу. С одной стороны, такое доказательство содержится на электронном материальном носителе, а с другой — имеет цифровой след. Поэтому при экспертном исследовании подлинности цифрового контента на экспертизу необходимо предоставить не только сам носитель информации, но и то устройство, с помощью которого был создан контент. И только в этом случае в суде имеется возможность доказать наличие дипфейка. К сожалению, сведения об устройстве в контенте не содержатся, поэтому найти записывающее устройство и представить его в суд будет весьма проблематичным. И если в уголовном процессе вероятность изъятия записывающего устройства значительно выше, то в гражданском процессе она сведена к нулю, так как сложно представить себе, что создатель дипфейка добровольно представит на экспертизу записывающее устройство, с помощью которого был создан дипфейк. При этом, конечно же, фальсификацией контента (созданием дипфейка) с

использованием ИИ может заниматься любая из сторон судебного процесса, что порождает проблемы в судебном доказывании.

Также следует учитывать, что до настоящего времени не выработаны научно-методические рекомендации проведения экспертиз распознавания дипфейков.

Все эти обстоятельства создают реальную возможность представления в суд сфальсифицированных или сгенерированных ИИ доказательств, которые можно разделить на два вида:

— вымышленные факты в документах, когда нейросети могут генерировать вполне правдоподобные документы, будучи полностью вымышленными;

— дипфейки в виде аудио- и видеозаписи действий людей, которые они не совершали.

Таким образом, развитие ИИ, с одной стороны, помогает решать некоторые задачи в нашей повседневной жизни, а с другой — ставит под сомнение саму основу судебного доказывания, поскольку не гарантирует достоверность информации, установить которую в настоящее время весьма затруднительно даже для специалиста. Между тем судьи, впрочем, как и все остальные юристы, склонны доверять визуальным или аудио- доказательствам.

Данное обстоятельство вполне очевидно свидетельствует, что ИИ не сможет заменить судью-человека, который учитывает все нюансы дела. ИИ должен выполнять только вспомогательные функции. Важно сохранить в судебном процессе принцип свободной оценки доказательств, когда суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению.

Список литературы

1. Васильковский, Е.В. Учебник гражданского процесса. - 2-е изд., перераб. /Е.В. Васильковский. М. : Издание Бр. Башмаковых. 1914. 429 с.
2. Бодров, Н.Ф. Дипфейк: технологии, правовое регулирование и судебно-экспертное исследование : монография / Н.Ф. Бодров, А.К. Лебедева. М. : Проспект, 2026. 223 с.
3. Боннер, А.Т. Избранные труды : В 7 т. Т. 5. Проблемы теории судебных доказательств / А.Т. Боннер. М. : Проспект, 2017. 614 с.
4. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др. ; под ред. М.А. Фокиной. - 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 656 с.
5. Лужинская, Е.Л. Особенности исследования изображений внешнего облика человека, измененного при помощи программных средств / Е.Л. Лужинская, В.А. Чванкин // Вопросы криминалогии, криминалистики и судебной экспертизы. 2022. № 2 (52). С. 116—121.
6. Рукавова, Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубе-

жом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : РУДН, 2022. С. 38.

7. Свирин, Ю.А. Гражданский процесс : учебник / Ю.А. Свирин. М. : Прометей. 2026. 724 с.

8. Свирин, Ю.А. Размышления о гражданском процессе : монография / Ю.А. Свирин. М. : Прометей, 2022. 544 с.

9. Чуча, С.Ю. Правовой режим электронных доказательств в суде при рассмотрении трудовых споров / С.Ю. Чуча // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 29—35.

References

1. Vaskovsky, E.V. Textbook on Civil Procedure. 2nd ed., revised. Moscow: Br. Bashmakov Publishing House, 1914. 429 p.

2. Bodrov, N.F. Deepfake: Technologies, Legal Regulation, and Forensic Examination: A Monograph . Moscow: Prospekt, 2026. 223 p.

3. Bonner, A.T. Selected Works. In 7 vols. Vol. 5: Problems in the Theory of Judicial Evidence . Moscow: Prospekt, 2017. 614 p.

4. Course on the Law of Evidence: Civil Procedure, Arbitrazh Procedure, Administrative Proceedings.

S.F. Afanasyev, O.V. Baulin, I.N. Lukyanova, et al.; ed. by M.A. Fokina. - 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Statut, 2019. 656 p.

5. Luzhinskaya, E.L. Specifics of analyzing images of a person's appearance altered using software tools / E.L. Luzhinskaya, V.A. Chvankin // Issues of Criminology, Criminalistics, and Forensic Expertise. 2022. No. 2 (52), pp. 116–122.

6. Rusakova, E.P. The impact of digitalization on civil proceedings in Russia and abroad: the experience of China, India, Singapore, the European Union, the USA, South Africa, and certain other countries : dis. ... doctor of legal sciences. Moscow : RUDN University, 2022. P. 38.

7. Svirin, Yu.A. Civil Procedure : textbook / Yu.A. Svirin. Moscow : Prometey, 2026. 724 p.

8. Svirin, Yu.A. Reflections on Civil Procedure : monograph / Yu.A. Svirin. Moscow : Prometey, 2022. 544 p.

9. Chucha, S.Yu. The legal regime of electronic evidence in court during the resolution of labor disputes / S.Yu. Chucha // Entrepreneurial Law. 2019. No. 3, pp. 29–35.

Представлена: 07.07.2026

Одобрена: 23.07.2026

Problems of Evaluating Electronic Evidence in Civil Proceedings

Svirin Yu.A.,

Doctor in Law, Professor, Professor of Russian New University,
Academician of Russian Academy of Natural Sciences,
Chairman of Commission for the Analysis, Development,
and Improvement of Procedural and Extra-Procedural Forms
of Dispute Resolution of the Russian Lawyers Association,
and Consultant at the Moscow Bar Association "De Jure" Law Office.

<https://orcid.org/0000-0001-7616-2637>

Russia, Moscow

usvirin@mail.ru

The article is devoted to the study of the problems of assessing the reliability of electronic evidence. The author points out that in the last 10 years, artificial intelligence has been increasingly penetrating all areas of our lives. With the help of neural networks, anyone can now create generative content that is indistinguishable from the original. Additionally, AI can be used to create fake documents that can be used as evidence in court. However, it is nearly impossible for a simple lawyer, including a judge, to determine the authenticity of the generated content. Currently, the appointment of an expert in such cases is also ineffective, as scientific and methodological recommendations for conducting such examinations have not yet been developed. As a result of the study, the author concludes that it is necessary to quickly establish in the procedural law the definition of electronic evidence and the procedure for its examination in legal proceedings.

Keywords: electronic evidence, deepfake, generative technologies, expertise.